

ЕВГЕНИЙ МАСЛАНОВ*

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

DOI: 10.17323/2587-8719-2023-3-218-227.

Современное общество тесно связано с цифровыми технологиями, искусственным интеллектом (AI) и анализом Big Data. Они являются частью повседневной жизни человека, влияют на принятие управленческих решений в различных областях экономики и общественной жизни: от анализа городского движения до операций с высокорискованными активами на бирже. Без них не обходятся ни научные исследования, ни планирование отдыха отдельными домохозяйствами. Они повсюду окружают нас. При этом особую актуальность приобретают вопросы как о том, какую роль будут играть цифровые технологии и в особенности технологии AI в управлении обществом, так и о том, как управлять ими (Büthe et al., 2022). Валентин Александрович Бажанов в статье справедливо отмечает, что развитие этих технологий уже невозможно остановить, да это и не нужно. Правда, они могут способствовать становлению нового типа цифрового неравенства, базирующегося не только, как это было раньше, на возможности получить доступ к цифровой инфраструктуре, но и на способности оказывать влияние на траектории технологического развития. В. А. Бажанов отмечает:

Весьма вероятно, что какие-то кластеры социума, которые начинают занимать привилегированное положение уже сейчас, продолжат повышать свой статус, иные же — будут его терять (Бажанов, 2023).

*Масланов Евгений Валерьевич, к. филос. н., исследователь, Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки» (Москва), evgenmas@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-6403-8003.

**© Масланов, Е. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 21-18-00428 «Политическая субъектность современной науки: междисциплинарный анализ на перекрестье философии науки и философии политики» в Русском обществе истории и философии науки.

Подобные опасения, скорее всего, свидетельствуют о том, что как цифровые технологии в целом, так и AI и анализ Big Data в частности — просто еще один набор технологий, а не спасительная волшебная палочка для человечества. Вопрос об их положительном или отрицательном влиянии на человека и человечество скорее связан с необходимостью определить ориентиры развития общества и человека, ответить на экзистенциальные вызовы, стоящие перед ними (Касавина, 2018; Масланов, 2019).

Развитие цифровых технологий — яркий пример влияния научного знания на общественную жизнь. Они были бы невозможны без научно-технической революции, позволившей не только разработать математические алгоритмы, которые легли в основу универсальных вычислительных машин, но и создать элементную базу, представляющую собой фундамент и их современной инфраструктуры, и компьютеров, которыми пользуется подавляющее большинство из нас. Однако можно ли, опираясь на это, говорить о том, что наука приобретает политическую субъектность? Ученые могут влиять на развитие и совершенствование технологий, но из этого факта никак не следует, что они могут воздействовать на их использование, а тем более на то, к каким последствиям это может привести.

Эволюция цифровых технологий, как нам представляется, важный пример того, как технологические решения изначально включают в себя предпосылки, которые могут рассматриваться как определенная политическая программа. При этом само их наличие не гарантирует того, что лежащие в их основе интенции окончательно предопределят как эволюционный путь технологии, так и то, к каким последствиям может привести ее использование. Первоначально цифровые технологии активно применялись для решения задач, связанных с различными вычислениями в военной и научно-исследовательской сферах. Электронные вычислительные машины (ЭВМ) представляли собой крупногабаритные объекты, которые для своего обслуживания требовали достаточно большого количества профессионально обученного персонала. Они рассматривались как малоинтересные массовой публике, и предполагалось, что отдельный человек не только не сможет ими пользоваться, но и не найдет задач, которые сможет решать при их помощи. Политика компаний, нацеленных на совершенствование ЭВМ, была ориентирована на заказы крупного бизнеса и государства. В результате сам технологический выбор предполагал отказ от попыток распространения цифровых технологий за пределы исследовательских, аналитических

и военных центров. Казалось бы, получившие развитие в 60–70-е гг. XX века исследования в области миниатюризации различных компонентов вычислительных систем должны были автоматически привести не только к уменьшению ЭВМ, но и к росту их популярности среди широких слоев населения. Но активное применение ЭВМ и кибернетики во Вьетнамской войне, их ассоциация с холодной войной приводили к восприятию их как связанных с милитаризмом. Крупные технологические компании не стремились поменять этот взгляд. Поэтому формирование нового мышления о компьютерах и кибернетике требовало культурной трансформации, которая, как мы прекрасно знаем на своем опыте использования компьютеров, была успешно осуществлена.

Она была связана с возникновением контркультурных движений в середине 1960-х годов в США. Исторически сложилось так, что крупнейший центр контркультуры Сан-Франциско располагался рядом с Кремниевой долиной — местом, откуда во многом берет свое начало развитие современных информационно-коммуникационных технологий. В Кремниевой долине были созданы технологии, давшие возможность усовершенствовать производство транзисторов, а бюджеты НАСА и военного ведомства США позволили сократить стоимость чипов с тысячи долларов до нескольких десятков. В 1969 году в компании Intel, созданной в Кремниевой долине в 1965 году, был разработан микропроцессор, который можно было программировать для решения различных задач. Однако это технологическое решение само по себе не могло привести к созданию персонального компьютера и снятию с этой группы технологических решений клейма милитаристской технологии. Развитие технологии было обусловлено предыдущим опытом ее использования.

Контркультура изначально была направлена на сопротивление технократическим представлениям о жизни и практикам управления. Она была ориентирована на противостояние утилитарным ценностям и общественному давлению, нацелена на развитие личности, пусть иногда это и предполагало использование различных стратегий по «расширению» сознания. Т. Рошак пишет, что из контркультуры возникла

самая амбициозная за всю историю программа переоценки культурных ценностей общества. Все ставилось под сомнение: семья, работа, образование, понятие жизненного успеха, воспитание детей, отношения мужчин и женщин, половая жизнь, урбанизация территорий, наука, технология, прогресс (Рошак, Мышакова, 2014: 30).

Сторонники контркультуры были скептически настроены по отношению к технологиям, для них был характерен призыв к возвращению к естественности. ЭВМ вполне могли бы воплощать в себе как триумф техники, так и победу технократического мышления. Казалось бы, поэтому сторонники подобных движений должны были бы противостоять их распространению. Однако, как пишет Ч. Гир,

благодаря удачному соседству кислоты и силикона произошла встреча новых технологий и контркультурного мышления, что в итоге и определило те обстоятельства, при которых появился персональный компьютер, а также многое другое из современной нам цифровой культуры (Гир, Галкин, 2004: 56).

Именно сторонники контркультуры обратили внимание на то, что компьютеры могут использоваться не только военными или исследовательскими центрами. Можно создать персональный компьютер, который будет полезен отдельному человеку, а кибернетику, например, стоит рассматривать как системное мышление, способное ответить на экологический кризис. При этом и в мире компьютерных технологий сформировалось движение, нацеленное на исследование как возможностей компьютеров, так и в целом информационно-коммуникационных технологий, — хакеры. Они сопротивлялись технократии и ориентировались на решение различных творческих задач, хотя наше современное представление о них иногда имеет и немного другие коннотации (Nissenbaum, 2004). Контркультура столкнулась с цифровыми технологиями и демилитаризировала их, позволив через персональные компьютеры войти им в каждый дом.

Эта история дает нам возможность обратить внимание на то, что сами по себе современные цифровые технологии, воспринимавшиеся как военный проект, постепенно получили характер мирных технологий. Так, технологический выбор оказался связан с особенностями культуры, в нашем случае — контркультуры, оказавшей на него влияние. Этот исторический пример как раз и подтверждает тот факт, что технология может быть использована совершенно по-разному: и как важный элемент милитаристических устремлений государства, и как машина, позволяющая каждому человеку распоряжаться ей исходя из своих нужд.

Технология стала источником важного запроса в области научной политики. Имея отношение лишь к милитаристическим устремлениям, научным исследованиям и крупному бизнесу, цифровые технологии должны были развиваться лишь по пути создания суперкомпьютеров,

которые могли бы объединяться в локальные сети, но не обязательно создавать масштабные соединения с компьютерами конкурирующих групп. При этом вопрос о миниатюризации и удешевлении комплектующих вряд ли мог бы рассматриваться как обладающий приоритетом. Однако развитие стратегии конструирования персональных компьютеров и создание компанией Apple, начинавшейся как «гаражная» компания, массового персонального компьютера привело к формированию нового и достаточно обширного рынка, освоение которого могло принести большие прибыли. Появление нового игрока привело как к переориентированию технологии, так и к формированию новой системы запросов к ней. Теперь она должна была стать более понятной и удобной, доступной не только крупным корпорациям и профессионалам, но и отдельным пользователям. «Гаражная» компания оказалась способной бросить вызов крупнейшим технологическим корпорациям и переформатировать рынок.

В этом случае мы можем выделить особую социальную роль науки. Она создает технологические решения, которые могут по-разному восприниматься различными группами. Они порождают технологические запросы, постепенно оформляющиеся в целостную научную политику. В случае развития цифровых технологий теперь не только государственные органы (в США, например, такие как НАСА или министерство обороны) стали играть в ней важную роль. Место крупнейших игроков заняли корпорации, способные удовлетворить запросы широких слоев населения. Они стали и важными игроками в процессе производства научного знания. Apple, Microsoft, Alphabet (Google), Amazon, Яндекс — технологические гиганты, выросшие как компании, удовлетворяющие запросы пользователей цифровых технологий. Они вкладывают средства и в научные исследования. Соединение «кислоты», «транзистора» и «алгоритмов» создало новую научную политику и новое общество, в котором цифровые технологии играют ключевую роль.

Контркультура оказалась причастной к тому, что теперь компьютерами могли пользоваться не только крупные корпорации, исследовательские центры или военные, но и люди, которым они интересны. Контркультура стала определять и пути их возможного развития. Оказалось, что компьютеры могут стать важным элементом общества, нацеленного на раскрытие личности и создание децентрализованной системы управления, подразумевающей общий и свободный доступ к различным технологическим решениям. Однако воплотился ли этот образ в реальность? Ответ на этот вопрос далеко не однозначен. К примеру,

обычно технология блокчейн рассматривается как один из возможных кандидатов на роль решения, способного сформировать подобное общество. Иногда утверждается, что в ее основе может лежать республиканская традиция (Бычкова и Космарский, 2021). Распределенный реестр поддерживает доверие между пользователями и позволяет создавать гибкие, децентрализованные, автономные организации, которые пронизаны общими ценностями и самовоспроизводятся благодаря устройству технологии. Правда, такая точка зрения может подвергаться критике. А. Гринфилд пишет:

Если первоначальный энтузиазм в отношении биткойна часто имел оттенок пренебрежительного имморализма, то интерес к новым способам применения блокчейна носит в значительной степени корпоративный, правительственный и институциональный характер (Гринфилд, Кушнарева, 2018: 217).

Анализ функционирования современных цифровых платформ показывает, что зачастую их открытость как для пользователей, так и для разработчиков скорее связана с попытками создать отдельную экосистему, в которую будет включен пользователь (Moazed & Jonson, 2016). Из нее он уже не сможет «выбраться», ведь интеграция будет предполагать, что отказ от участия связан с перестройкой всего цифрового жизненного мира пользователя. При этом работа с Big Data и использование алгоритмов позволяет выявить паттерны поведения участников экосистемы и предложить им наиболее релевантный для них контент. Возможно, что в этом случае их анализ и технологии AI в цифровых экосистемах направляют интересы человека. Они превращают пользователя в элемент анализируемых классов данных, пересечение которых позволяет многое сказать о нем даже без интереса к его индивидуальности. Хотя цифровая экосистема и нацелена на предоставление контента, наиболее релевантного для каждого отдельного пользователя, сами они больше не являются уникальными субъектами.

Похоже ли это общество, порожденное контркультурой и новой научной политикой технологических гигантов, на антитехнократический идеал контркультуры? Ответ на этот вопрос зависит от того, какие предположения о существовании в нем мы принимаем. Согласны ли мы ради удобства делиться собственными данными с экосистемами крупных корпораций или предпочитаем сохранить приватность? Нацелены ли на уединение или рассчитываем все время находиться на связи с другими людьми? Готовы ли в поиске информации довериться алгоритмам или стремимся самостоятельно анализировать данные?

Ответы на все эти вопросы предопределяют то, каким образом мы воспринимаем роль цифровых технологий в нашем обществе. Но сама история их развития показывает, что наши творческие усилия, наше стремление самим формировать восприятие технологий, готовность трансформировать их согласно нашим идеям и устремлениям — это важные факторы их развития. Они могут изменить технологии и поставить их на службу нашим интересам. Поэтому и вопросы о цифровом неравенстве, обусловленном возможностью не только влиять на цифровую инфраструктуру, но и создавать алгоритмы для анализа Big Data, или о доступе к различным системам AI, на наш взгляд, скорее связаны с нашей способностью не только двигаться вслед за технологиями, но и самим пытаться выстроить новые контексты их использования. Именно определение подобных контекстов и является важной задачей как для социальных ученых, так и для специалистов в области AI и Big Data. Это может стать одним из проявлений их политической субъектности, ведь их ценностный выбор вполне может определить контуры общества, в котором нам предстоит жить.

Именно поэтому особое внимание стоит уделить влиянию AI и Big Data на процессы управления. В. А. Бажанов в статье показывает как положительные стороны использования этих технологий, связанные с оптимизацией процессов управления, так и отрицательные, сопряженные с возможным уменьшением социального и экономического разнообразия. Но на наш взгляд, основная проблема заключается в том, что сам процесс управления, в том числе и политического, будет подменен обращением к анализу баз данных на основе AI. Это может привести к тому, что отдельные корпорации или государства, а возможно, и человечество в целом уже будут неспособны проявить творческое начало в этой деятельности. Новые и оригинальные подходы к решению проблем могут не находить своих параллелей в истории, а имеющиеся данные могут их не подтверждать. Новые решения могут носить контрфактический характер и опираться не на имеющуюся реальность, а на утопию, которая движет устремлениями людей. Поэтому, по нашему мнению, нельзя согласиться с В. А. Бажановым в том, что «экспансия AI и Big Data открывает в буквальном смысле невиданные перспективы в управлении общественными процессами» (Бажанов, 2023). Они предлагают лишь еще один инструмент, который позволяет анализировать общество, но не дает возможности сформировать новые и оригинальные управленческие решения. Поиск ответов на современные вызовы так и останется задачей, которая будет решена исходя из представлений,

на которые ориентируются как принимающие решения управленцы, так и люди, создающие алгоритмы, анализирующие данные. Как отмечала В. В. Кускова на секции «Завтрашние технологии социологов» Грушинской конференции в 2018 году,

независимых данных не бывает. Поэтому, когда вы используете машинное обучение, нейронное обучение, бигдата, бигсайнс, чего там угодно. Помните всегда о том, что все эти методы нам показывают «как», они нам не говорят «почему». И ответ на вопрос «почему» заложен в нас самих (Кускова, 2018).

И именно в этом поиске ответа не только на вопрос о том, «почему» что-то происходит, но и на вопрос о том, «как» и «почему» нам нужно принимать управленческие решения, и состоит важная функция человека, которая никогда не может быть передана AI и простому анализу Big Data.

ЛИТЕРАТУРА

- Бажанов В. А.* Искусственный интеллект, технологии Big Data (больших данных) и особенности современного политического процесса // *Философия : Журнал Высшей школы экономики*. — 2023. — Т. 7, № 3.
- Бычкова О. В., Космарский А. А.* Блокчейн как res publica : к политической генеалогии распределенного реестра // *Философия : Журнал Высшей школы экономики*. — 2021. — Т. 5, № 4. — С. 175–200.
- Гир Ч.* Цифровая контркультура / пер. с англ. Д. В. Галкина // *Цифровая гуманитаристика*. — 2004. — № 1. — С. 50–71.
- Гринфилд А.* Радикальные технологии : устройство повседневной жизни / пер. с англ. И. В. Кушнарева. — М. : Дело, 2018.
- Касавина Н. А.* Человек и техника : амбивалентность электронной культуры // *Эпистемология & философия науки*. — 2018. — Т. 55, № 4. — С. 129–142.
- Кускова В. В.* Стенограмма секции «Завтрашние технологии социологов» Грушинской конференции 2018 года / ВЦИОМ Профи. — 2018. — URL: <https://profi.wciom.ru/index.php?id=1774> (дата обр. 14 марта 2023).
- Масланов Е. В.* Цифровизация и развитие информационно-коммуникационных технологий : новые вызовы или обострение старых проблем? // *Цифровой ученый : лаборатория философа*. — 2019. — Т. 2, № 1. — С. 6–21.
- Рошак Т.* Истоки контркультуры / пер. с англ. О. А. Мышковой. — М. : АСТ, 2014.
- Büthe T., Djeflal C., Lütge C.* Governing AI—Attempting to Herd Cats? Introduction to the Special Issue on the Governance of Artificial Intelligence // *Journal of European Public Policy*. — 2022. — Vol. 29, no. 11. — P. 1721–1752.

Moazed A., Jonson N. L. *Modern Monopolies : What it Take to Dominate the 21st Century Economy*. — New York : St. Martin's Press, 2016.

Nissenbaum H. *Hackers and The Contested Ontology of Cyberspace // New Media & Society*. — 2004. — Vol. 6, no. 2. — P. 195–217.

Maslanov, Ye. V. 2023. "Politicheskiy potentsial tsifrovyykh tekhnologiy [The Political Potential of Digital Technologies]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 7 (3), 218–227.

YEVGENIY MASLANOV

PHD IN PHILOSOPHY, RESEARCHER

RUSSIAN SOCIETY FOR THE HISTORY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE (MOSCOW, RUSSIA);

ORCID: 0000-0002-6403-8003

THE POLITICAL POTENTIAL OF DIGITAL TECHNOLOGIES

DOI: 10.17323/2587-8719-2023-3-218-227.

REFERENCES

- Bazhanov, V. A. 2023. "Iskusstvennyy intellekt, tekhnologii Big Data (bol'shikh dannykh) i osobennosti sovremennogo politicheskogo protsessa [Artificial Intelligence, Big Data Technologies, and Features of Modern Politics]" [in Russian]. *Filosofiya [Philosophy]: Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Journal of the Higher School of Economics]* 7 (3).
- Büthe, T., C. Djeflal, and C. Lütge. 2022. "Governing AI— Attempting to Herd Cats? Introduction to the Special Issue on the Governance of Artificial Intelligence." *Journal of European Public Policy* 29 (11): 1721–1752.
- Bychkova, O. V., and A. A. Kosmarskiy. 2021. "Blokcheyn kak res publica [Blockchain as Res Publica]: k politicheskoy genealogii raspredelennoy reyestra [Towards a Political Genealogy of a Distributed Ledger]" [in Russian]. *Filosofiya [Philosophy]: Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Journal of the Higher School of Economics]* 5 (4): 175–200.
- Gere, Ch. 2004. "Tsifrovaya kontrkul'tura [Digital Culture]" [in Russian], trans. from the English by D. V. Galkin. *Tsifrovaya gumanitaristika [Digital Humanities]*, no. 1, 50–71.
- Greenfield, A. 2018. *Radikal'nyye tekhnologii [Radical Technologies]: ustroystvo pouse-dnevnoy zhizni [The Design of Everyday Life]* [in Russian]. Trans. from the English by I. V. Kushnareva. Moskva [Moscow]: Delo.
- Kasavina, N. A. 2018. "Chelovek i tekhnika [Man and Technology]: ambivalentnost' elektron-noy kul'tury [Ambivalence of Electronic Culture]" [in Russian]. *Epistemologiya & filosofiya nauki [Epistemology & Philosophy of Science]* 55 (4): 129–142.
- Kuskova, V. V. 2018. "Stenogramma sektsii 'Zavtrashniye tekhnologii sotsiologov' Grushinskoy konferentsii 2018 goda [Transcript of the Section 'Tomorrow's Technologies of Sociologists' of the Grushin Conference 2018]" [in Russian]. VTsIOM Profi. Accessed Mar. 14, 2023. <https://profi.wciom.ru/index.php?id=1774>.
- Maslanov, Ye. V. 2019. "Tsifrovizatsiya i razvitiye informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy [Digitalization and Development of Information and Communication Technologies]: novyye vyzovy ili obostreniye starykh problem? [New Challenges or Escalation of Old

- Problems?]" [In Russian]. *Tsifrovoy uchenyy [The Digital Scholar]: laboratoriya filosa-
fa [Philosopher's Lab]* 2 (1): 6–21.
- Moazed, A., and N. L. Jonson. 2016. *Modern Monopolies: What it Take to Dominate the
21st Century Economy*. New York: St. Martin's Press.
- Nissenbaum, H. 2004. "Hackers and The Contested Ontology of Cyberspace." *New Media &
Society* 6 (2): 195–217.
- Roszak, Th. 2014. *Istoki kontrkul'tury [The Making of a Counter Culture]* [in Russian].
Trans. from the English by O. A. Myshakova. Moskva [Moscow]: AST.